

«СТРАСТИ ЮЛИЯ ВЕТЕРАНА»: АГИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, РИТОРИКА*

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО, КОММЕНТАРИИ,
НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Алексей Дмитриевич Пантелеев

кандидат исторических наук
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
a.panteleev@spbu.ru

Для цитирования: *Пантелеев А. Д.* «Страсти Юлия Ветерана»: агиография, история, риторика / перевод с латинского, комментарии, научная статья // Библия и христианская древность. 2022. № 1 (13). С. 44–67. DOI: 10.31802/BCA.2022.13.1.002

Аннотация

УДК 27-9|01/07| (2-674.5)

Целью публикации является перевод на русский язык и всесторонний анализ «Страстей Юлия Ветерана» (BHL 4555). Описываемые события произошли в конце мая 303 г. в Дуросторуме в Нижней Мезии (совр. Силистра в Болгарии). Особое внимание при рассмотрении данных этого краткого, но очень интересного текста уделено таким вопросам, как исторический контекст мученичества, история раннего христианства на Балканах по данным литературной и археологической традиции, отношение христиан к воинской службе. Мы полагаем, что причиной смерти мученика стала проверка лояльности солдат XI Клавдиева легиона в связи со скорым прибытием туда Диоклетиана.

Ключевые слова: раннее христианство, агиография, Римская империя, гонения, преследования, мученики, Диоклетиан, Дуросторум, Нижняя Мезия, Юлий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44180.

«Passio Julii Veterani»: Hagiography, History, and Rhetoric*

Latin Translation, Commentaries, Scientific Article

Aleksey D. Panteleev

PhD in History

Associate Professor at the Institute of History

at the Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya Embankment, Saint-Petersburg 199034, Russia

a.panteleev@spbu.ru

For citation: Panteleev, Aleksey D. "«Passio Julii Veterani»: Hagiography, History, and Rhetoric". Latin Translation, Commentaries, Scientific Article. *Bible and Christian Antiquity*, № 1 (13), 2022, pp. 44–67 (in Russian). DOI: 10.31802/BCA.2022.13.1.002

Abstract. The publication is a translation into Russian of «Passio of Julius the Veteran» (BHL 4555). Julius was executed on May 27, 303 in the Durostorum in Lower Moesia (now Silistra, Bulgaria). Commentary discusses some aspects of this text, related to the circumstances of the Julius' martyrdom, the history of early Christianity in the Balkans, and the attitude of Christians to military service. We think that the cause of the martyr's death was a test of the loyalty of the legion's soldiers that was connected with the imminent visit of Diocletian (he was in the Durostorum on June 8, 303 – CJ 5.73.4).

Keywords: early Christianity, Hagiography, Roman Empire, Persecutions, Martyrs, Diocletian, Durostorum, Lower Moesia, Julius.

* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44180.

«Страсти Юлия Ветерана» (BHL 4555) — небольшой текст на латинском языке, сохранившийся в собрании рукописей публичной библиотеки Ле-Мана (Codex bibliothecae publicae Cenomannensis 217). Вероятнее всего, воина Юлия казнили 27 мая 303 г. в Дуросторуме в Нижней Мезии (совр. Силистра, Болгария). Мы предлагаем вниманию читателей перевод «Страстей Юлия», снабжённый сопроводительной статьёй, где будут освещены вопросы, связанные с местом и временем описываемых событий, историей раннего христианства на Балканах, отношению христиан к воинской службе и развитию некоторых мотивов в ранней агиографии. Перевод выполнен по изданию И. Делеэ, воспроизведённому в сборнике Г. Музурилло¹.

Страсти Юлия Ветерана (Passio Iulii veterani)

1. Во времена преследований, когда верующим выпали славные испытания, чтобы они могли принять обещанную вечность, Юлия арестовали служители и привели к наместнику Максиму². 2. Наместник Максим сказал: «Кто это?» Кем-то из служителей было сказано: «Это христианин, и он не желает подчиняться предписанному законами». 3. Наместник сказал: «Как тебя зовут?» Тот ответил: «Юлий». Наместник сказал: «Что скажешь, Юлий? Истинно ли, что о тебе говорят?» Юлий ответил: «Всё так. Я действительно христианин; я не отрицаю, что я есть, кто есть». 4. Наместник сказал: «Неужели тебе не известны предписания императоров, которые приказали принести жертвы богам?» Юлий ответил: «Мне они известны, но я — христианин и не могу сделать того, что ты хочешь. Ведь мне нельзя забывать моего Бога Истинного и Живого».

2. Наместник Максим сказал: «Что же тяжёлого в том, чтобы воскурить ладан и уйти?» Юлий ответил: «Я не могу пренебречь божественными предписаниями и оказаться неверным своему Богу. Ведь за все двадцать семь лет, пока я, как видно, заблуждаясь, служил в суетном

1 Delehaye H. Acta sancti Iulii veterani martyris // *Analecta Bollandiana*. 1891. Vol. 10. P. 50–52; Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford, 1972. P. 260–265.

2 Подробнее об этом наместнике (praeses) Максиме ничего не известно: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. A. D. 260–395. Cambridge, 1971. Vol. 1. P. 580. Г. Музурилло предположил, что он был августовым легатом-пропретором (Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. P. XXXIX), но Т. Барнес считает, что этот Максим — вымышленный персонаж (Barnes T. D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge, 1982. P. 188).

войске³, никогда меня как преступника или мятежника не приводили к судье. 2. Я участвовал в семи войнах, ни за кем не прятался и никому не уступал в сражении. Командир не видел, чтобы я когда-то провинился, и сейчас ты думаешь, что я, до того всегда храня верность, в самом лучшем смогу оказаться неверным?» 3. Наместник Максим ответил: «Кем ты служил?» Юлий ответил: «В войске, а когда мой срок вышел, перезачислился ветераном⁴. Всегда чтил, страшась, *Бога, Который сотворил небо и землю*⁵, Которому и сейчас показываю, что подвластен». 4. Наместник Максим сказал: «Юлий, я вижу, что ты человек серьёзный и основательный. Так что послушайся меня и принеси жертву богам, чтобы получить большую награду». Юлий ответил: «Того, что ты хочешь, я не сделаю, чтобы не претерпеть вечную муку». 5. Наместник Максим сказал: «Если ты полагаешь, что это грех, пусть он падёт на меня. Я заставляю тебя сделать это силой, чтобы не показалось, что ты согласился добровольно. После этого, обещаю, спокойно отправишься к себе домой, получив деньги в честь десятилетия (*decennalium rescuniam*)⁶, и никто больше тебе не будет докучать». 6. Юлий ответил: «Ни эти деньги сатанинские, ни твои хитрые (*subdola*) уговоры не смогут

- 3 В момент ареста Юлий, скорее всего, служил в XI Клавдиевом легионе, лагерь которого располагался в Дуросторуме (см. ниже).
- 4 Г. Музурилло перевёл «*ordine meo egressus veteranus*» как «снова служу ветераном» (I re-enlisted as a veteran: *Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs*. P. 263). Т. Барнес считает ошибочным этот перевод, предлагая: «ушёл в отставку как ветеран» (I retired as veteran: *Barnes T. D. Early Christian Hagiography in History*. Tübingen, 2010. P. 110, note 26). Однако тогда не совсем ясно, на каком основании Максим предлагает Юлию донатив в честь десятилетия правления императоров, так что вариант Музурилло кажется более логичным (см. ниже).
- 5 Ср. Деян. 4, 24. Эта формула часто встречается в ранних мученичествах, подробнее см.: *Hamman A. La Confession de la Foi dans les Premiers Actes des Martyrs* // *Epektasis: Mélanges patristiques offerts au Cardinal Jean Daniélou* / éd. par J. Fontaine, Ch. Kannengiesser. Paris, 1972. P. 99–105; *Perendy L. "Deum qui fecit caelum et terram": Identifying the God of Christians in the Acts of Martyrs* // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity: Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / ed. J. Leemans. Leuven, 2010. P. 221–239; *Kozłowski J. M. Unum Deum colo qui fecit terram et mare et omnia quae in eis sunt. The Formula of Creation and its Functions in the Acts of the Christian Martyrs* // *Vetera Christianorum*. 2017. Vol. 54. P. 99–110.
- 6 Г. Музурилло неверно перевёл это словосочетание как «награду за десять лет службы» (you will pick up your ten-year bonus; *Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs*. P. 263). Мы ничего не знаем о каких-то особых премиях в честь 10-летия воинской службы, тем более что Юлий отслужил 27 лет, а здесь речь идёт о донативе в честь юбилея власти императора (*Den Boeft J., Bremmer J. Notiunculae Martyrologicae II* // *Vigiliae Christianae*. 1982. Vol. 36. P. 396).

лишить меня вечного света. Я не могу отречься от Бога. Так что осуди меня как христианина».

3. Максим сказал: «Если не будешь исполнять императорские предписания и не принесёшь жертву, я отрублю тебе голову». Юлий ответил: «Это ты хорошо придумал. Итак, заклинаю тебя, благочестивый наместник, здоровьем твоих императоров, чтобы ты исполнил свой замысел и осудил меня, чтобы осуществились мои молитвы». 2. Наместник Максим сказал: «Если не расскаешься и не принесёшь жертву, с тобой поступят по твоему желанию». Юлий ответил: «Если заслужу так пострадать, меня ждёт вечная слава». 3. Максим сказал: «Тебе даётся совет, ведь если ты следуешь законам отечества, обретёшь вечную славу». Юлий ответил: «За законы я, конечно, это претерплю, но за законы божественные». 4. Максим сказал: «Которые распятый мертвец вам передал? Пойми, насколько ты глуп, если мёртвого боишься больше, чем императоров, которые живы». Юлий ответил: «Он умер за грехи наши⁷ чтобы дать нам жизнь вечную. Этот Христос — воистину Сам Бог, пребывающий во веки веков. Если кто уверует в Него, получит жизнь вечную⁸, а если кто откажется, получит вечную муку». 5. Максим сказал: «Из сострадания к тебе советую: лучше принеси жертву и живи с нами». Юлий ответил: «Если я буду жить с вами, это будет для меня смерть, но, если умру перед лицом Господа, вечно буду жить». 6. Максим сказал: «Послушай меня и принеси жертву, чтобы я тебя не казнил, как обещал». Юлий ответил: «Я выбрал смерть сейчас, чтобы жить в вечности со святыми». 7. При таких обстоятельствах наместник Максим вынес приговор, гласящий: «Юлий, не желающий императорские предписания почтить, приговаривается к смертной казни».

4. Когда же был отведён на обычное место казни, все его начали целовать. Блаженный Юлий говорил им: «Пусть каждый сам решает, как будет целовать». 2. Некий же Исихий, христианин, бывший воином и находящийся в темнице⁹, сказал святому мученику: «Прошу тебя, Юлий, с радостью исполни своё обещание и прими венец, который Господь обещал дать верующим в Него¹⁰, и вспомни меня, ибо и я последую за тобой. Прошу, поприветствуй также особенно тепло слугу Божьего Валентия, который уже отправился ко Господу прежде нас с добрым исповеданием». 3. Юлий, поцеловав Исихия, сказал: «Брат,

7 Ср. 1 Кор. 15, 3

8 Ср. Ин. 6, 47

9 Как находящийся в темнице Исихий оказался на месте казни, не объясняется.

10 Ср. Иак. 1, 12

спешу прийти. То же, что тобой поручено, услышит, кого надо поприветствовать». 4. И, приняв повязку, завязал себе глаза, склонил шею и сказал: «Господи Иисус Христос, за Твоё имя я это претерпеваю, Тебя молю, чтобы ты удостоил принять мой дух¹¹ с Твоими святыми мучениками». 5. И так слуга дьявола, ударив мечом, оборвал жизнь блаженного мученика, во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которому честь и слава во веки веков. Аминь.

* * *

«Страсти Юлия Ветерана» производят впечатление простоты и неприязнительности, но ставят перед исследователем целую серию вопросов; некоторые из них недавно были затронуты А. Н. Крюковой в краткой, но весьма содержательной статье в «Православной энциклопедии», однако формат не дал рассмотреть или хотя бы указать все проблемы, связанные с этим сочинением¹².

Локализация и датировка «Страстей»

Прежде всего, необходимо прояснить место и время действия, так как в тексте нет никаких указаний на это. Имя префекта Максима¹³ нам ничего не даёт — эта фигура нам не известна из других источников, а провинция, которой он управлял, не названа. На помощь приходит последующая традиция: под 27 мая в итальянской редакции «Мартиролога» Иеронима упоминается некий Юлий без указания места казни, а под 4 июля сказано, что Юлий пострадал в Дуросторуме с двумя другими мучениками, чьи имена не названы. В обоих случаях можно поставить под сомнение как то, что речь идёт об одном и том же персонаже, так и то, что хотя бы однажды имеется в виду Юлий Ветеран. Более определённо он связывается с Дуросторумом в позднем «Римском мартирологе» Цезаря Барония, где под 27 мая сказано: «В Дуросторуме, что в Нижней Мезии, во времена императора Александра, страсти блаженного Юлия, который, будучи ветераном, во время получения вознаграждения был схвачен служителями и принуждаем наместником Максимом совершить жертву, и был им приговорён к смертной казни,

11 Ср. Деян. 7, 59

12 Крюкова А. Н. Иулий // ПЭ. 2012. Т. 28. С. 562.

13 В одном месте рукопись называет его Марцианом (2, 5), но это явная ошибка.

когда проклял идолов и непоколебимейше исповедал имя Христово». Эта связь основывается на том, что в конце «Страстей Юлия» появляется Исихий, встретившийся с Юлием накануне его казни (4, 2–3). Исихий происходил из Дуросторума, где и претерпел мученичество; об этом сообщает «Мартиролог» Иеронима под 15 июня: *in Dorostoro natalis sancti Ysici*. Так как слова Юлия: «Брат, спеши прийти» (4, 3) — по общему мнению, указывают на скорую казнь Исихия, то из этого делается вывод о месте действия «Страстей Юлия»¹⁴. Эти день и место были приняты в западной традиции — византийские источники о Юлии ничего не сообщают — и включены в «Acta Sanctorum»¹⁵.

О годе описываемых событий тоже ничего не сказано. Всё, что у нас есть, это неопределённое указание на «время преследований» (*tempus persecutionis*) и имя наместника (*praeses*) Максима (1, 1). Как и в случае с географией, это нам снова ничего не даёт: титул презида использовался как до реформ Диоклетиана, так и после. Нам известно о трёх Максимах — наместниках провинции, и все они упоминаются только в агиографических сочинениях: кроме «Страстей Юлия», это «Страсти Никандра и Маркиана» и «Страсти Квирина». Учёные неоднократно отмечали, что лексика двух первых похожа до такой степени, что, возможно, они вышли из одной и той же «агиографической мастерской»¹⁶.

14 Harnack A. Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Leipzig, 1904. Bd. II/2. S. 477; Delehaye H. Saints de Thrace et Mésie // *Analecta Bollandiana*. 1912. Vol. 31. P. 269.

15 Acta Sanctorum. Maius. Paris; Roma, 1866. Т. 6. P. 654–655. Д. Хельгеленд, однако, замечает, что эти события могли произойти и в другом месте: в «Мученичестве Дасия», которое точно привязано к Дуросторуму, судья носит титул легата, что указывает на то, что к 303 г., когда, по мнению Хельгеленда, был казнён Дасий, эта провинция не была реформирована. Но если Юлий предстал перед президом Максимом, а в одном и том же городе невозможно сосуществование двух систем гражданского управления (*legatus legionis* прекратил существование в 270-е гг.), то, следовательно, Юлий пострадал не в Дуросторуме (*Helgeland J. Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York, 1979. Bd. II.23.1. P. 788*). Со своей стороны отметим, что против этого аргумента можно привести, как минимум, два соображения. Во-первых, год казни Дасия остаётся спорным вопросом: она могла произойти и в 303 г., и в 292 или 302 г.; его определение зависит как от исторического фона, так и от указания на 24-й день после новолуния (*Илчевски Ст., Зайцев Д. В. Дасий // ПЭ. 2006. Т. 14. С. 27*). Во-вторых, автор или редактор «Мученичества Дасия» мог ошибиться с титулом судьи, назвав его более привычным для него термином подобно тому, как Тацит назвал префекта Понтия Пилата прокуратором (*Tacitus. Annales XV, 44 // Tacitus. Annals 15.20–23, 33–45. Latin text, study aids with vocabulary, and commentary / ed. M. Owen, I. Gildenhard. Cambridge, 2013. P. 238*).

16 Franchi de'Cavalieri P. Scritti agiografici. Rome, 1962. Vol. II. P. 90–92; Den Boeft J., Bremmer J. *Notiunculae Martyrologicae* II. P. 395.

И. Делеэ предположил, что изначально «Страсти Юлия» и «Страсти Никандра и Маркиана» были частями одного сочинения, написанного на древнегреческом, к нему же относились и «Страсти Пасикрата и Валентия» (от них сохранилось только краткое изложение в византийских синаксарях — SynCP 627–628)¹⁷. Третий текст, «Страсти Квирина», стилистически отличается от них, но сходство имени и времени действия может рассматриваться как свидетельство происхождения из того же источника. Т. Д. Барнес называет всех троих Максимов вымышленными¹⁸, а Я. ден Бёфт и Я. Бреммер заключают, что эти наместники являются одним и тем же лицом, пусть и вымышленным¹⁹. Это ставит под сомнение историчность «Страстей Юлия»²⁰, но во фрагменте 2, 5 есть небольшая деталь, которая заслуживает особого внимания, — указание на *decennalia pecunia*, награду воинам в честь десятилетия правления императора или императоров; к нему мы вернёмся ниже. Это словосочетание вряд ли возникло случайно — с его помощью мы можем установить время мученичества Юлия.

Большинство исследователей относят эти события ко времени Диоклетиана и его соправителей; те, кто не обращает внимание на *decennalia pecunia*, указывают «императоров» во множественном числе (1, 4; 3, 1; 3, 3), а в качестве причины гонений — или начало «чистки» в армии (297 г.)²¹, или четвёртый эдикт Диоклетиана, предписывавший обязательное для всех совершение жертвоприношения (304 г.)²². Д. Хельгеленд отмечает, что десятилетие правления Диоклетиана отмечалось в 294 г., но этот период не был «временем преследований», а стало быть, имеется в виду юбилей цезарей Галерия и Констанция в 303 г., пришедшийся на разгар Великого гонения²³. Однако Я. ден Бёфт и Я. Бреммер не приняли однозначности этой датировки: по их мнению, *tempus persecutionis*

17 Delehaye H. Saints de Thrace et Mésie. P. 269; Крюкова А. Н. Иулий. С. 562.

18 Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. P. 188.

19 Den Boeft J., Bremmer J. Notiunculae Martyrologicae II. P. 396.

20 В разное время несколько исследователей высказывали сомнения в надёжности «Страстей Юлия»: Constantinesco R. Les martyrs de Durostorum // Revue des études sud-est européennes. 1967. Vol. 5. № 1–2. P. 9; Barnes T. D. Early Christian Hagiography in History. P. 110.

21 Aubert R. Jules // Dictionnaire d'Histoire et de Géographie Ecclésiastiques. Paris, 2003. T. 28. Col. 470–471.

22 Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. P. XXXIX; Tite P. L. A Polite Conversation, an Edict, and a Sword: A Look at the Martyrdom of Julius the Veteran // Journal of Theological Studies. 2019. Vol. 70. P. 184–238.

23 Helgeland J. Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine. P. 787.

не обязательно должно указывать на Великое гонение²⁴. Они перечисляют всех императоров, отметивших десятилетние юбилеи правления с III по начало IV в.: Септимий Север (203 г.), Каракалла (208 г.), Александр Север (230 г.), Галлиен (262/3 г.), наконец, как было сказано, в 294 г. *decennalia* отпраздновали Диоклетиан и Максимиан, а в 303 — Галерий и Констанций. Последовательно рассмотрев все эти варианты, они пришли к следующим выводам: 203 г. не является совсем уж невероятным для датировки «Страстей», поскольку гонения на христиан в правление Септимия Севера хотя и не имели общегосударственного масштаба, но спорадически вспыхивали в различных частях империи, а сам император, возможно, принял закон, направленный против христиан²⁵. Закон противодействовал обращению в иудаизм и христианство, а Юлий мог принять крещение незадолго до этих событий. Ден Бёфт и Бреммер понимают шаткость этого предположения, но указывают на его потенциальную возможность. Время Галлиена, 262/3 г., не подходит как из-за того, что десятилетие его власти отмечалось после его «толерантного» эдикта в период мира для Церкви²⁶, так и из-за неоднократного указания на императоров. Те же проблемы возникают с правлением Каракаллы (208 г.) и Александра Севера (230 г.), хотя в «Римском мартирологе» именно с ним связывается казнь Юлия, а в «Церковных Анналах» Бароний уточняет, что наместник Максим — это Максим Пупиен, который в тех краях воевал с сарматами, а на следующий год стал консулом²⁷. Ден Бёфт и Бреммер указывают на источник этого отождествления — жизнеописание Пупиена, где говорится о его успехах в Иллирике²⁸, но тут же

24 Den Boeft J., Bremmer J. *Notiunculae Martyrologicae* II. P. 396.

25 Barnes T. D. Legislation against the Christians // *Journal of Roman Studies*. 1968. Vol. 58. P. 40–41; Frend W. H. C. Open Questions Concerning the Christians and the Roman Empire in the Age of the Severi // *Journal of Theological Studies*. 1974. Vol. 25. P. 333–351; Кап-галыцев А. В. Религиозная политика Септимия Севера в свете антихристианских гонений // *Религия. Церковь. Общество*. 2018. Вып. 7. С. 156–173.

26 В. Френд утверждает, что при Галлиене продолжались гонения, указывая на война Марина, о котором сообщает Евсевий (*Eusebius Caesariensis*. *Historia ecclesiastica* VII, 15 / *Eusebius*. *Kirchengeschichte* / hrsg. von E. Schwartz. Kleine Ausgabe. Leipzig, 1914. S. 285–286; Frend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church. A Study of Conflict from the Maccabees to Donatus*. Oxford, 1965. P. 429, 442). Однако восточная часть империи в тот период контролировалась узурпатором Маркианом, и «мир Галлиена» мог не распространяться на эту территорию (Пантелеев А. Д. Мученичество святого Марина (Eus. HE, VII, 15) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2019. Вып. 23. С. 837–838).

27 Baronijs C. *Annales Ecclesiastici*. Antwerpen, 1597. T. II. P. 349.

28 *Scriptores Historiae Augusti*. Maximinus et Balbinus 5, 9 // *Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles* / ed. A. Chastagnol. Paris, 1994. P. 760.

отмечают, что против этого есть неопровержимые аргументы: во-первых, Пупиен никогда не был наместником Нижней Мезии, во-вторых, Бароний относит мученичество Юлия к 228/9 г., а *decennalia* Александра Севера приходится на 230 г., в-третьих, Пупиен стал ординарным консулом в 234 г., а не в конце 220-х годов²⁹. Всё же, с их точки зрения, есть определённая вероятность того, что Юлий мог пострадать и при Александре.

Хотя все эти соображения и представляют определённую ценность, но сочетание множественного числа «императоров», «времени преследований» и более чем вероятная связь «Страстей Юлия» со «Страстями Никандра и Маркиана» и «Страстями Квирина» всё же указывают на время Диоклетиана, причём скорее всего на период Великого гонения. Мы присоединяемся к числу тех, кто считает, что казнь мученика произошла 27 мая 303 г.

Дуросторум, XI Клавдиев легион и *decennalia* *pescunia*: исторический контекст «Страстей»

Появление христианства в Нижней Мезии связывают с именем апостола Андрея³⁰, однако археологических свидетельств существования христианских общин в I–III вв. пока не обнаружено³¹. Первыми литературными источниками, сообщающими о присутствии здесь верующих, оказываются мученичества, и сам факт наличия верующих косвенно свидетельствует в пользу более ранней истории христианства на Дунае. Определённую роль в его распространении, видимо, сыграли купцы восточного происхождения и солдаты расквартированного в Дуросторуме с 105/6 г. XI Клавдиева легиона³². В позднереспубликанское время этот легион несколько раз набирался и распускался, в 31 г.

29 Den Boeft J., Bremmer J. *Notiunculae Martyrologicae* II. P. 397, 401.

30 Eusebius *Caesariensis*. *Historia ecclesiastica* III, 1, 1 // *Op. cit.* S. 77. Евсевий заимствовал эту информацию у Оригена. Подробнее см.: Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007. С. 205–250.

31 Mullen R. L. *The Expansion of Christianity. A Gazetteer of Its First Three Centuries* Leiden, 2004. P. 147–148; Атанасов Г. Христианский Дуросторум-Дръстър. Варна; Вел. Търново, 2007. С. 15.

32 Об истории Дуросторума см.: Иванов Р. Дуросторум (*Durostorum*) през епохата на принципата // Римски и ранновизантийски селища в България. София, 2003. С. 75–86; Иванов Р., Атанасов Г., Доневски П. Античният Дуросторум. Силистра; София, 2006. Т. 1.; Angelova S., Buchvarov I. *Durostorum in Late Antiquity (Fourth to Seventh Centuries)* // *Post-Roman Towns. Trade and Settlements in Europe and Byzantium 2. Byzantium, Pliska and Balkans*. Berlin; New York, 2007. P. 61–87.

до н. э. он принимал участие в битве при Акции, позже был размещён в Иллирике, затем в Верхней Германии, наконец, во время войн Траяна на Дунае переведён в Нижнюю Мезию. В 132–136 гг. подразделения XI легиона принимали участие в подавлении восстания Бар-Кохбы, на рубеже II–III вв. засвидетельствовано появление отдельных его частей в Крыму³³. Сохранившиеся надписи указывают на этническую неоднородность воинов³⁴. Г. Атанасов отмечает распространение среди солдат и офицеров XI легиона митраизма и культов других восточных божеств. Об этом свидетельствуют археологические находки: солнечные часы с изображениями Орфея, Исида и Осириса и votivная табличка с Митрой, убивающим быка³⁵.

Сам Дуросторум, возможно, возник в I в. н. э. как временный лагерь римских войск, защищавших дунайскую границу от варваров. Период II — начала III в. был достаточно спокойным, хотя около 170 г. произошло несколько набегов костобоков. Давление стало возрастать со времени правления Гордиана III (238–244), когда карпы, готы и сарматы осуществили несколько нападений на римскую территорию, сильно разрушили Дуросторум и захватили в плен часть местного населения; сохранилась надпись, сообщающая об освобождении некоего человека из варварского плена в год, когда консулами были Пий и Прокул (238 г.). Столкновения с ними продолжались при Деции и Аврелиане. Диокле-тиан посетил город 21–22 октября 294 г., второй раз он оказался здесь 8 июня 303 г.³⁶ В результате провинциальной реформы Диоклетиана Дуросторум оказался включён в состав Мезии Второй. В это время было нанесено серьёзное поражение карпам (297 г.), а кроме того, происходило множество мелких стычек, так что Юлий имел много возможностей отличиться³⁷.

33 *Ritterling E.* Legio // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Stuttgart, 1925. Bd. 12/2. Sp. 1690–1704; *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994; *Иванов Р., Атансов Г., Донеvски П.* Античный Дуросторум. Т. 1. С. 77–95.

34 *Gerov B.* Zum Problem der Entstehung der römischen Städte am Unteren Donaulimes // *Klio.* 1977. Bd. 59. S. 299–309.

35 *Atanasov G.* Sept martyrs de Dorostol qui ont brûlé en l'année 304 // *The Christian Mission on the Romanian Territory During the First Centuries of the Church.* Constanța, 2009. P. 38.

36 *Codex Justinianus 5, 73, 4* // *The Codex of Justinian. A New Annotated Translation with Parallel Latin and Greek Text* / ed. B. W. Frier. Cambridge, 2016. Vol. II. P. 1399; *Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. P. 53, 56. Принятый закон касался имущественного права (оспаривание приобретения собственности).

37 *Иванов Р., Атансов Г., Донеvски П.* Античный Дуросторум. Т. 1.

Не до конца понятен статус Юлия. Как мы отметили в переводе «Страстей», слова: «et ordine meo egressus ueteranus» — одни исследователи переводят как: «и когда отслужил свой срок, заново зачислился как ветеран» (Г. Музурилло), другие как: «ушёл в отставку как ветеран» (Т. Д. Барнес)³⁸. «Egredior ordine» можно перевести как «покинуть строй», но это, скорее, выйти из строя на шаг или два или отбиться от колонны, чем уйти в отставку (так у Саллюстия: «ne quispiam ordine egrederetur», [«Марий следил, чтобы никто не покидал строй»])³⁹. Большинство учёных считает, что Юлий продолжал числиться на военной службе⁴⁰, и мы присоединяемся к их мнению: это объясняет, почему Максим вообще завёл речь о *decennalia pecunia*. Если Юлий был ветераном в отставке, то на каком основании ему могли бы быть предложены и выплачены эти деньги⁴¹? Если же он оставался в рядах войска, то это не требует никаких пояснений. М. Клаус полагает, что он был центурионом, а его характеристика — «ни за кем не прятался и никому не уступал в сражении, командир не видел, чтобы я когда-то провинился» (2, 2) — это демонстрация лучших качеств, необходимых центуриону⁴². О. Штолл предлагает свою интерпретацию событий: он считает, что дело происходит в момент выхода Юлия в отставку, а перечисление его заслуг, выход из строя, награда и несостоявшееся жертвоприношение — составные

38 На последнее могут указывать слова Максима: «спокойно отправившись к себе домой» (*securas vadis in domum tuam* (2, 5)). Можно понять их как свидетельство того, что Юлий не живёт в лагере; с другой стороны, это «домой» может означать и казарму, и то, что Юлий жил в лагере, но у него был свой дом за его пределами, которым он обзавёлся за время службы.

39 *Sallustius. Bellum Jugurthinum* 45, 2 // *Sallustii Crispi Catilina, Jugurtha, Fragmenta ampliora* / ed. A. Kurfess. Stuttgartiae; Lipsiae, 1991. P. 92. О. Штолл отмечает, что *ex ordine decedere* может использоваться даже для обозначения дезертирства, но в «Страстях Юлия» у этого словосочетания явно нет никаких негативных коннотаций (*Stoll O. "Entlassungsweihungen" aus Bostra und die honesta missio. Epigraphische Reflexe eines römischen Heereszeremoniells // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2002. Bd. 49. S. 274, Anm. 234*).

40 *Clauss M. Kaiser und Gott: Herrscherkult im römischen Reich. Stuttgart; Leipzig, 1999. S. 435; Stoll O. "Entlassungsweihungen" aus Bostra und die honesta missio. S. 274; Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. Abingon, 2017. P. 110, note 64.*

41 Ветераны сохраняли те налоговые льготы, которыми они пользовались, будучи на военной службе, но мы ничего не знаем о том, что им выплачивались какие-то донативы (*Hebblewhite M. The Emperor and the Army. P. 101–102*).

42 *Clauss M. Kaiser und Gott. S. 435. Г. Музурилло говорит о «попытке подкупа» (attempt to bribe) наместником ветерана (Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. P. XXXIX). Оставим эту фантастическую интерпретацию на его совести.*

части обычного ритуала, который должен был закончиться дружеским застольем однополчан⁴³.

Мы не знаем точно, с чем именно связан арест Юлия. Если о воине Василиде сообщается, что он должен был покаяться, но не стал этого делать⁴⁴, а на Марина донёс кто-то из сослуживцев, желающий занять место центуриона⁴⁵, то здесь остаётся только строить догадки. Судя по общему тону разговора с наместником, нам кажется вполне возможным, что Юлий уже отказался принести жертву императорам при раздаче донатива своим командиром, и был им отправлен по инстанции для вразумления или назначения наказания. Поскольку к тому времени уже был схвачен Исихий, этот случай был не первым и не требовал особых пояснений для наместника. Кроме того, если мы принимаем датой мученичества 27 мая 303 г., то велик соблазн связать эти события с визитом в Дуросторум Диоклетиана, который должен был состояться буквально через считанные дни — 8 июня император уже находился в городе (см. выше). Не исключено, что в XI легионе провели своего рода проверку лояльности личного состава, при которой все должны были принести жертву, связанную с получением донатива. Нет необходимости видеть здесь какую-то целенаправленную охоту на христиан, например, для того чтобы казнить их перед Диоклетианом: вряд ли он оказался бы доволен, узнав, что в войске до сих пор остались верующие. Есть более простое объяснение: эта проверка была необходима во избежание повторения ситуации, произошедшей годом раньше в Антиохии, когда диакон Роман в присутствии императора прервал совершавшееся жертвоприношение⁴⁶.

Скажем несколько слов о *decennalia pecunia*. События «Страстей» разворачиваются во время раздачи денег воинам в честь годовщины правления Галерия и Констанция или вскоре после этого. У нас нет данных о размере этой награды, но можно предположить, что это была существенная сумма: из Р. Beatty Panop. 2.180 мы знаем, что одна вексилляция II Траянова легиона получила в честь *dies imperii* Диоклетиана

43 Stoll O. "Entlassungsweihungen" aus Bostra und die honesta missio. S. 274.

44 Eusebius Caesariensis. Historia ecclesiastica VI, 5, 5 // Op. cit. P. 227; рус. пер. и комм.: Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / под ред. А. Д. Пантелеева. СПб., 2017. С. 250–251.

45 Eusebius Caesariensis. Historia ecclesiastica VII, 15, 2 // Op. cit. P. 285; Пантелеев А. Д. Мученичество святого Марина. С. 840.

46 Eusebius Caesariensis. De Martyribus Palestine 2 // Op. cit. P. 403; Prudentius. Peristephanon X // Prudentius / ed. H. J. Thomson. London, 1953. Vol. II. P. 228–303.

1 миллион 386 тысяч 250 денариев⁴⁷. В пользу этого свидетельствует и то, что подобные выплаты ложились тяжёлым бременем на население империи: по словам Симмаха, в честь десятилетия правления Валентиниана II римский сенат собрал 1 тысячу 600 фунтов золота⁴⁸, а Либаний жалуется на налог, который должны были выплатить антиохийцы из-за десятилетней годовщины Феодосия и пятилетней — Аркадия⁴⁹.

Получение любого донатива от императора или его представителя было эквивалентно акту демонстрации подчинения и лояльности, а отказ от него — фактически бунтом⁵⁰. Воины обязывались не просто принять деньги, но засвидетельствовать верность принцепсу, готовность служить ему и почитать его, совершив жертву. Об этом в начале III в. свидетельствуют Тертуллиан⁵¹ и календарь праздников из Дура Европос⁵², а позже — Григорий Назианзин, рассказывающий о временах Юлиана Отступника: «Предложено было золото, предложен и ладан; поблизости был огонь, недалеко — распорядители. И какой благовидный предлог! Казалось, что таков устав царской раздачи даров, освящённой древностью и высоко ценимой! Что же за это? Надлежало возложить на огонь фимиам и получить от царя цену своей гибели, цену малую за дело великое — за целую душу, за нечестие против Бога. Гибельная купля! Горькое возмездие! Целое воинство продавалось одним злоухищрением; покорители вселенной падали от малого огня, от куска золота, от небольшого курения»⁵³. Таким образом, нежелание

47 Это внушительные деньги, но нам неизвестна как численность этого отряда, так и то, все ли получили одинаковую награду, или, что вероятнее, её размер варьировался в зависимости от звания (*Hebblewhite M. The Emperor and the Army. P. 80–81*). Для сравнения: по «Эдикту о ценах» Диоклетиана модий пшеницы не должен был стоить больше 100 денариев, ржи — 60 (1 модий зерна равен 8,75 л, прибл. 6,73 кг).

48 *Symmachus. Relatio 13, 1–3 // Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt / ed. O. Seeck. Berolini, 1883. P. 290.*

49 *Libanius. Oratio 22, 4 // Libanii Opera / rec. R. Foester. Lipsiae, 1904. Vol. II. P. 473.*

50 *Delmaire R. Largesses sacrées et res privata. L'Aerarium impérial et son Administration du IVe au VIe Siècle. Rome, 1989. P. 29; Hebblewhite M. The Emperor and the Army. P. 83.*

51 *Tertullianus. De corona 1, 1–2 // Tertulliani Libri tres, de spectaculis, de idololatria, et de corona militis / ed. G. Currey. Cambridge, 1854. P. 113–114.*

52 *The Feriale Duranum / ed. by W. F. Snyder, R. O. Fink, A. S. Hoey. New Haven, 1940. P. 201.*

53 *Gregorius Nazianzenus. Oratio 4, 83 // PG. 35. Col. 609; cp.: Theodoretus. Historia ecclesiastica III, 16 // Théodoret de Cyr. Histoire ecclésiastique. T. II (Livres III–V) / intr. A. Martin; trad. P. Canivet. Paris, 2009. P. 146–148; Libanius. Oratio 18, 168 // Op. cit. P. 308. Григорий Назианзин и Феодорит Кирский говорят о требовании жертвоприношения как о нововведении Юлиана, но это было восстановлением старой языческой практики, отменённой при христианских императорах.*

Юлия принять донатив и принести жертву было однозначно воспринято как акт нелояльности.

Что касается отношения Юлия к службе в армии, то как и многие другие воины-мученики, он не видел никаких проблем в совмещении её со своей верой, пока его не начали принуждать к жертвоприношению: по его собственным словам, он отслужил двадцать семь лет, «всегда почитая Бога» (2, 2–3). В первые века среди христиан не было единого взгляда на вопрос о возможности воинской службы. Существовали и те, кто её оправдывал, и сторонники пацифистской линии, а проблемы были связаны не только (и не столько) с нежеланием преступать заповедь и проливать кровь: христиан отпугивало от армии поклонение языческим божествам. Если обычный городской или сельский житель без особых проблем мог найти какой-нибудь повод, чтобы манкировать праздником в честь бога-покровителя полиса или дня рождения божественного императора, то на военной службе сделать это было намного труднее. Среди воинов-христиан были такие, кто не придавал этим ритуалам никакого значения, считая их пустой формальностью, не мешавшей вере, но были и те, кто воспринимал их всерьёз и отказывался выполнять. Наконец, нужно учитывать, что отношение к военному делу зависело от места жительства: антивоенные чувства были сильнее в центральных областях империи и слабее на границе⁵⁴. Так или иначе, до этого момента поведение Юлия не вызывало никаких нареканий со стороны командования: «командир не видел, чтобы я когда-то провинился» (2, 2), причём было бы странным полагать, что все эти двадцать семь лет его взгляды оставались для всех тайной. Скорее всего, здесь вступили в силу какие-то факторы, ранее не влиявшие на ситуацию,

54 Литература, посвящённая непростым взаимоотношениям первых христиан и римской армии, очень велика. Укажем лишь на основные монографии последних десятилетий: *Hornus J.-M.* It Is Not Lawful for Me to Fight: Early Christian Attitudes Toward War, Violence, and the State. Kitchener, 1980; *Helgeland J.* Christians and the Military: The Early Experience. Philadelphia, 1985; *Brock P.* The Military Question in the Early Church: A Selected Bibliography of a Century's Scholarship. Toronto, 1988; *Kalantzis G.* Caesar and the Lamb: Early Christian Attitudes on War and Military Service. Eugene (Ore.), 2012; *Shean J. F.* Soldiering for God: Christianity and the Roman Army. Leiden, 2010. Кроме того, см. наши статьи: *Пантелеев А. Д.* Христиане и римская армия от ап. Павла до Тертуллиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2004. Вып. 3. С. 413–428; *Пантелеев А. Д.* Христиане и римская армия в первой половине III в. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2012. Вып. 11. С. 329–350; *Пантелеев А. Д.* Акты Максимилиана. Вступительная статья, перевод и комментарий // Религия. Церковь. Общество. 2013. Вып. 2. С. 240–262; *Пантелеев А. Д.* Мученичество святого Марина. С. 834–842.

и это снова заставляет нас вспомнить о предстоящем визите императора в Дуросторум. В пользу нашей версии говорит и то, что это было не первое принятие донатива: Юлий должен был получить подарок в честь десятилетия правления Диоклетиана и Максимиана, и в тот раз проблем, очевидно, не возникло. Наконец, Юлий мог в прошлом награждаться за безупречную службу, что тоже было связано с жертвами, и каким-то образом этот вопрос удавалось обходить.

**«Хитрые уговоры», «сатанинские деньги»
и идентичность: риторический аспект «Страстей»**

Если традиционно при анализе ранних мученичеств доминировал историко-филологический анализ, то в последние два десятилетия на первый план начало выходить изучение риторического аспекта этих текстов. «Страсти Юлия» не стали исключением, и не так давно Ф. Тайт опубликовал большую статью, в центре которой находится диалог между мучеником и Максимом. На сегодняшний день это едва ли не самая объёмная работа, посвящённая данному сочинению⁵⁵. До этого Ф. Тайт занимался изучением новозаветной и околоновозаветной литературы и гностических текстов из Наг-Хаммади. Его работы, посвящённые Первому посланию Петра⁵⁶, гностикам и добровольному мученичеству⁵⁷, а также теме религиозного насилия⁵⁸, можно назвать мостиком к первому опыту в области собственно агиографии. Полагая вслед за некоторыми современными учёными, что исторический ресурс «Страстей Юлия», как и всех ранних мученичеств, исчерпан, — повторим, что нам так не кажется, — Ф. Тайт обратился к его риторическому анализу. Отталкиваясь от слов Д. Лью, что идентичность «включает в себя идеи ограниченности, сходства и различия, целостности, возможно,

55 Tite P. L. A Polite Conversation, an Edict, and a Sword; к сожалению, мы не смогли познакомиться с ещё одной статьёй, посвящённой «Страстям Юлия»: *Danila N. Passio Sancti Iulii Veterani Martyris Durostorensis* (BHL 4555). *Contributii la istoria crestinismului dacoroman* // *Studia Universitatis Babes-Bolyai. Theologia graeco-catholica Varadiensis*. 2000. Vol. 45/2. P. 179–193.

56 Tite P. L. *Compositional Transitions in 1 Peter: An Analysis of the Letter-Opening*. San Francisco (CA), 1997.

57 Tite P. L. Voluntary Martyrdom and Gnosticism // *Journal of Early Christian Studies*. 2015. Vol. 23. P. 27–54.

58 Tite P. L. *Conceiving Peace and Violence: A New Testament Legacy*. Lanham (Md.), 2004; *Religion, Terror, and Violence: Religious Studies Perspectives* / ed. by P. Tite, B. Rennie. New York, 2008.

степени однородности, а также узнавание себя и других»⁵⁹, Ф. Тайт говорит, что описание идентичности — рассказ не об исторических сущностях, а толкование риторических заявлений. Он стремится показать, что диалог Юлия и Максима является важной иллюстрацией осознания ими собственной идентичности и её конструирования в ситуации, когда «римскость» и христианство не находились в дихотомическом противоречии. В то время как многие тексты демонстрируют резкое противопоставление Христа и Рима, «Страсти Юлия», с точки зрения Ф. Тайта, движутся в противоположном направлении, ибо здесь *Romanitas* позитивно оценивается и гонителем, и преследуемым.

Ф. Тайт отмечает, что допрос Юлия Максимом соответствует тому, что мы видим в других мученичествах римских воинов — это достаточно вежливая беседа, в которой обе стороны понимают неловкость положения друг друга и пытаются прийти к разумному компромиссу⁶⁰. Это та беседа, к которой стремились Поликарп, Луций или Сперат. Максим придумывает, как ему кажется, простое и изящное решение проблемы: Юлию достаточно заявить, что его заставили принести жертву против его воли, и грех падёт на Максима, а Юлий сохранит лицо перед единоверцами и получит донатив, но мученик отказался пойти на это. Казнь не сопровождается унижительными пытками и является «досадным следствием юридической необходимости»⁶¹. Но, как полагает Ф. Тайт, в этом тексте есть две фразы, которые лишают нас возможности рассматривать фигуру наместника как условно положительную. Это, во-первых, завершающая фраза «Страстей»: «И так слуга дьявола, ударив мечом, оборвал жизнь блаженного мученика» (4, 5), а во-вторых, ответ Юлия на предложение Максима: «Ни эти деньги сатанинские, ни твои хитрые уговоры не смогут лишить меня вечного света» (2, 6). Ф. Тайт видит здесь тонкую демонизацию происходящего, что превращает «Страсти Юлия» в исключение из числа военных мученичеств⁶².

Особое значение здесь придаётся термину *subdola*, которое относится к существительному *persuasia* («уговоры»). *Subdolos* — хитрый, коварный, плутоватый, обманчивый; все эти значения связаны с сокрытием или утаиванием чего-то. В комедиях Плавта это слово используется

59 Lieu J. M. Christian Identity in the Jewish and Graeco-Roman World. Oxford, 2004. P. 12.

60 Что-то подобное мы можем видеть и в более ранних текстах, например, в «Мученичестве Аполлония» (Пантелеев А. Д. «Мученичество Аполлония»: риторические стратегии христианина и судьи // Мнемон. 2012. Вып. 18 (2). С. 201–214).

61 Tite P. L. A Polite Conversation, an Edict, and a Sword. P. 209.

62 Ibid. P. 210–211.

для обозначения персонажа, добивающегося своей цели с помощью обмана и манипуляций, в «Галльских войнах» Цезаря Верцингеториг «вкрадчивыми речами» заручился поддержкой племён против римлян, в похожем значении оно встречается и в «Бруте» Цицерона⁶³.

Юлий признаёт хитроумность уловки Максима, но то, что кажется полезным и разумным наместнику, бесполезно для христианина: истинная польза для него — не блага этого мира (донатив и сохранение жизни), а мученическая смерть. Предложение Максима, который нашёл лазейку в исполнении императорского указа, позволяющую, с точки зрения римлян, сохранить Юлию лицо перед своим Богом и товарищами-солдатами и единоверцами, даёт возможность христианину спасти честь и жизнь, но оно упускает из виду соотношение земного и вечного наказания, последующего за этим выбором. Отсюда ещё одно противопоставление: Юлий раньше хорошо слушался земных начальников, и они были им довольны, но сейчас он слушается только Бога. Аргументы Максима точно так же обыгрывают противоположности, он говорит: «Пойми, насколько ты глуп, если мёртвого боишься больше, чем императоров, которые живы» (3, 4). Юлий отвечает ему: «Если я буду жить с вами, это будет для меня смерть, но, если умру перед лицом Господа, вечно буду жить» (3, 5). Противопоставление является основным элементом структуры диалога судьи и мученика, показывая, что является истинным благом, а что ложным. Юлий показывает ошибку Максима, полагающего, что высшее благо — слушаться императоров и соблюдать порядок, установленный ими. Бог и Его порядок выше императоров, и попытка нарушить этот принцип ведёт к торжеству дьявола. Казнь Юлия является его поражением в глазах язычников, но она парадоксальным образом восстанавливает правильный космический порядок. Ф. Тайт заключает разбор риторики «Страстей» выводом, что здесь, хотя дважды упоминается дьявол, нет демонизации преследователя, а большее значение имеет необходимость следовать божественному порядку, не пытаясь хитрить⁶⁴.

Как полагает Ф. Тайт, «Страсти Юлия Ветерана» проливают новый свет на соотношение христианской и римской идентичности. Большинство ранних агиографических текстов однозначно свидетельствуют об их противоположности: невозможно одновременно быть христианином и римлянином, добродетельным святым и одержимым демонами гонителем. Юлий, наоборот, не отрицает своей службы в римской

63 Tite P. L. A Polite Conversation, an Edict, and a Sword. P. 213–214.

64 Ibid. P. 222–223.

армии, а гордится ею; всё это время он был носителем двух этих идентичностей, не испытывая никаких проблем. Тогда откуда берётся красноречивая оговорка: «как видно, заблуждаясь» (2, 1)? Две идентичности вошли в противоречие друг с другом при возникновении требования жертвоприношения, когда «дурной» император вторгся в область Бога, а до этого момента Церковь и империя существовали параллельно, не мешая друг другу⁶⁵. Ф. Тайт отмечает отличие «Страстей Юлия» от «Мученичества Дасия» (BHG 491): если в первом случае мы видим стремление сохранить *romanitas* и дистанцироваться только от императорских указов, нарушающих правильный порядок вещей, то во втором — чёткое противопоставление христиан всему остальному языческому миру. Опираясь на работы П. Дэвиса⁶⁶ и Э. Ребийяра⁶⁷, Ф. Тайт утверждает, что Юлий пытается объединить позитивные идентичности христианина и римлянина в противовес негативной «имперскости» и что, возможно, истинным героем нашего текста является не Юлий, а Константин и церковные власти, которые восстанавливают «истинную римскость» при помощи христианизации всего государства⁶⁸. Если это так, завершает анализ американский учёный, то «Мученичество Юлия» заслуживает гораздо большего внимания, чем ему уделяется сейчас, поскольку оно способно пролить свет на динамику христианизации и романизации в IV и V вв. и на формирование идентичности в древности.

Статья Ф. Тайта весьма объёмна, она занимает более пятидесяти страниц, и здесь мы указали лишь на основные её выводы, оставив в стороне немало интересных рассуждений и наблюдений. Она производит двойственное впечатление: автором проделан кропотливый анализ, но есть и ряд моментов, заставляющих насторожиться. Мы не зря начали с указания на предыдущие работы Ф. Тайта. До этого он имел дело с текстами, которые достаточно быстро приобрели известный нам вид: и послания Петра, и гностические трактаты из Наг-Хаммади не были частями других сочинений и не могли стать спустя несколько десятилетий или столетий объектом работы неизвестного редактора (или редакторов). У агиографических текстов иная судьба: они дробились

65 Напомним, что Ф. Тайт считает причиной казни Юлия четвёртый эдикт Диоклетиана (Tite P. L. A Polite Conversation, an Edict, and a Sword. P. 225–226).

66 Davies P. S. The Origin and Purpose of the Persecution of AD 303 // Journal of Theological Studies. 1989. Vol. 40. P. 66–94.

67 Rebillard É. Christians and their Many Identities in Late Antiquity, North Africa, 200–450 CE. Ithaca; London, 2012.

68 Tite P. L. A Polite Conversation, an Edict, and a Sword. P. 232.

на части и объединялись, их редактировали и сокращали при переписывании и переводе на другие языки, дело доходило до того, что изменялись имена действующих лиц и место событий, как это произошло, например, с «Мученичеством Аполлония»⁶⁹. Всё это приводит к необходимости тщательной кропотливой работы для того, чтобы понять, что находится в основании того или иного текста и в ходе каких трансформаций сформировался дошедший вариант. Например, в «Мученичестве Дасия», с которым Ф. Тайт сравнивает «Страсти Юлия», сохранились слова: «Никому другому не повинуюсь, кроме только одного Незапятнанного и Вечного Бога Отца и Сына и Святого Духа, Которые трое по имени и ипостаси едины по сущности»⁷⁰, что должно заставить нас серьёзно задуматься о том, было ли оно написано или отредактировано в середине IV в., а не автоматически считать, что оно создано там же и тогда же, что и наш текст. Ф. Тайту малоинтересен «историко-агиографический анализ», и это приводит его к тому, что он видит в одних и тех же пассажах отражение то времени тетрархов, то пост-константиновской эпохи.

Что касается содержательной стороны проделанного анализа, то и здесь можно сделать несколько замечаний. Изучение структуры и риторики «Страстей» представляет самостоятельную ценность вне зависимости от датировки, но как только мы начинаем вписывать его в определённый исторический контекст, тут же возникают вопросы. Ф. Тайт говорит о четвёртом эдикте Диоклетиана и о том, что этот указ нарушил «правильный порядок вещей». Но если причиной событий послужил всё-таки не он, а скорый приезд императора? Если это указание на то, что христианину лучше держаться подальше от мирских властей? А если причиной явился донатив? Тогда в центре «Страстей» будет отказ от мирских богатств. Ф. Тайт верно говорит об отсутствии демонизации гонителя и параллелях между «Страстями Юлия» и текстами II–III вв., но, как кажется, дело не только и не столько в проблеме идентичности. Нам здесь ближе взгляд Д. Корке-Вебстера, который отметил концептуальную важность перехода от изображения римских магистратов как нейтральных, а иногда и благожелательных судей, к иррациональным звероподобным садистам и орудиям сатаны. Справедливые римские чиновники — это не частные лица, а символические представители государства, а их поражение в беседе с мучеником — это поражение всей системы римского правосудия и стоящей за нею идеологии. Эта

69 Ранние мученичества. С. 203.

70 Martyrium Dasii 8, 2 // *Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs*. P. 276.

картина, которая могла находить отклик в душе христиан в III — начале IV в., перестала быть приемлемой после победы Константина и последовавшей необходимости нормализовать отношения с имперскими структурами⁷¹. Лучше всего это переосмысление заметно в «Церковной истории» Евсевия⁷², но и сохранившиеся агиографические сочинения дают хороший материал для анализа. Таким образом, «Страсти Юлия» продолжают старую традицию критики римского государства, и версия Ф. Тайта о ценности *romanitas* для Юлия перестаёт быть такой уж очевидной. Так или иначе, даже исторический потенциал «малых» агиографических сочинений, вроде «Страстей Юлия», далеко не исчерпан, а если к их изучению применить новые подходы, то можно с уверенностью сказать, что они смогут заметно обогатить наши представления о восприятии гонений современниками и поздними авторами и редакторами мученичеств, об их отношениях к местной и центральной власти и, конечно, об уровне их образованности.

Источники

- Acta Sanctorum. Maius. Paris; Roma: Apud Victorem Palmé, 1866. T. 6.
- Delehaye H. Acta sancti Iulii veterani martyris // *Analecta Bollandiana*. 1891. Vol. 10. P. 50–52.
- Eusebius. Kirchengeschichte / hrsg. von E. Schwartz. Kleine Ausgabe. Leipzig: J. C. Hinrich'sche Buchhandlung, 1914.
- Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles / ed. A. Chastagnol. Paris: R. Laffont, 1994.
- Libanii Opera / rec. R. Foester. Lipsiae: Teubner, 1904. Vol. II.
- Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. Oxford: Oxford University Press, 1972.
- Prudentius / ed. H. J. Thomson. London; New York: W. Heinemann, 1953. Vol. II.
- Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt / ed. O. Seeck. Berolini: Weidmannos, 1883.
- Sallustii Crispi Catilina, Jugurtha, Fragmenta ampliora / ed. A. Kurfess. Stutgardiae; Lipsiae: Teubner, 1991.
- Tacitus. Annals 15.20–23, 33–45. Latin Text, Study Aids with Vocabulary, and Commentary / ed. M. Owen, I. Gildenhard. Cambridge: OpenBook Publishers, 2013.
- Tertulliani Libri tres, de spectaculis, de idololatria, et de corona militis / ed. G. Currey. Cambridge: Cambridge University Press, 1854.

71 Corke-Webster J. Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History. Cambridge, 2019. P. 191.

72 Пантелеев А. Д. Мученики и мученичество в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009847-0-1/>

- The Codex of Justinian. A New Annotated Translation with Parallel Latin and Greek Text / ed. B. W. Frier. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. Vol. II.
- The Ferial Duranum / ed. by W. F. Snyder, R. O. Fink, A. S. Hoey. New Haven: Yale University Press, 1940.
- Théodoret de Cyr. Histoire ecclésiastique. T. II (Livres III–V) / intr. A. Martin; trad. P. Canivet. Paris: Cerf, 2009.*
- Ранние мученичества. Переводы. Комментарии. Исследования / под ред. А. Д. Пантелева. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2017.

Литература

- Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2007.
- Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев: Институт археологии НАНУ, 1994.
- Иванов Р. Дуросторум (Durostorum) през эпохата на принципата // Римски и ранновизантийски селища в България. София: Иврай, 2003. С. 75–86.
- Иванов Р., Атансов Г., Донеvски П. Античният Дуросторум. Силистра; София: Иврай, 2006. Т. 1.
- Каргальцев А. В. Религиозная политика Септимия Севера в свете антихристианских гонений // Религия. Церковь. Общество. 2018. Вып. 7. С. 156–173.
- Крюкова А. Н. Иулий // ПЭ. 2012. Т. 28. С. 562.
- Пантелеев А. Д. «Мученичество Аполлония»: риторические стратегии христианина и судьи // Мнемон. 2018. Вып. 18 (2). С. 201–214.
- Пантелеев А. Д. Акты Максимилиана: вступительная статья, перевод и комментарий // Религия. Церковь. Общество. 2013. Вып. 2. С. 240–262.
- Пантелеев А. Д. Мученики и мученичество в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009847-0-1/> (дата обращения 01.02.2021).
- Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия в первой половине III в. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2012. Вып. 11. С. 329–350.
- Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2004. Вып. 3. С. 413–428.
- Пантелеев А. Д. Мученичество святого Марина (Eus. HE, VII, 15) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. Вып. 23. С. 834–842.
- Angelova S., Buchvarov I. Durostorum in Late Antiquity (Fourth to Seventh Centuries) // Post-Roman Towns. Trade and Settlements in Europe and Byzantium 2. Byzantium, Pliska and Balkans. Berlin; New York: De Gruyter, 2007. P. 61–87.
- Atanasov G. Sept martyrs de Dorostol qui ont brûlé en l'année 304 // The Christian Mission on the Roman Territory during the First Centuries of the Church. Constanța: Editura Arhiepiscopiei Tomisului, 2009. P. 37–52.

- Barnes T. D.* Early Christian Hagiography in History. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010.
- Barnes T. D.* Legislation against the Christians // *Journal of Roman Studies*. 1968. Vol. 58. P. 32–50.
- Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge: Harvard University Press, 1982.
- Baronius C.* Annales Ecclesiastici. Antwerpen: Venturinus, 1597. T. II.
- Brock P.* The Military Question in the Early Church: A Selected Bibliography of a Century's Scholarship. Toronto: P. Brock, 1988.
- Clauss M.* Kaiser und Gott: Herrscherkult im römischen Reich. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1999.
- Constantinesco R.* Les martyrs de Durostorum // *Revue des études sud-est européennes*. 1967. Vol. 5. № 1–2. P. 5–20.
- Corke-Webster J.* Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Danila N.* Passio Sancti Iulii Veterani Martyris Durostorensis (BHL 4555). Contributii la istoria crestinismului daco-roman // *Studia Universitatis Babes-Bolyai. Theologia graeco-catholica Varadiensis*. 2000. Vol. 45/2. P. 179–193.
- Davies P. S.* The Origin and Purpose of the Persecution of AD 303 // *Journal of Theological Studies*. 1989. Vol. 40. P. 66–94.
- Delehaye H.* Saints de Thrace et Mésie // *Analecta Bollandiana*. 1912. Vol. 31. P. 259–390.
- Delmaire R.* Largesses sacrées et res privata. L'Aerarium impérial et son Administration du IVe au VIe Siècle. Rome: École Française de Rome, 1989.
- Den Boeft J., Bremmer J.* Notiunculae Martyrologicae II // *Vigiliae Christianae*. 1982. Vol. 36. P. 383–402.
- Donevski P.* Archaeological investigations in Silistra (Durostorum) // *Buletinul Muzeului Județean Teleorman*. 2009. Vol. 1. P. 105–130.
- Franchi de'Cavalieri P.* Osservazioni sopra alcuni atti di martiri da Settimio Severo a Massimino Daza // *Nuovo bullettino di archeologia cristiana*. 1904. Vol. 10. P. 5–39.
- Franchi de'Cavalieri P.* Scritti agiografici. Rome: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1962. Vol. II.
- Frend W. H. C.* Martyrdom and Persecution in the Early Church. A Study of Conflict from the Maccabees to Donatus. Oxford: Oxford University Press, 1965.
- Gerov B.* Zum Problem der Entstehung der römischen Städte am Unteren Donaulimes // *Klio*. 1977. Bd. 59. S. 299–309.
- Hamman A.* La Confession de la Foi dans les Premiers Actes des Martyrs // *Epektasis: Mélanges patristiques offerts au Cardinal Jean Daniélou* / éd. par J. Fontaine, Ch. Kannengiesser. Paris: Beauchesne, 1972. P. 99–105.
- Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Leipzig: Hinrichs, 1904. Bd. II/2.
- Hebblewhite M.* The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. Abingdon: Routledge, 2017.
- Helgeland J.* Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1979. Bd. II.23.1. P. 724–834.
- Hornus J.-M.* It Is Not Lawful for Me to Fight: Early Christian Attitudes Toward War, Violence, and the State. Kitchener: Herald Press, 1980.

- Hunter D.* A Decade of Research on Early Christians and Military Service // *Religious Studies Review*. 1992. Vol. 18. P. 87–94.
- Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. A. D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Vol. I.
- Kalantzis G.* Caesar and the Lamb: Early Christian Attitudes on War and Military Service. Eugene (Ore.): Cascade, 2012.
- Kozłowski J. M.* Unum Deum colo qui fecit terram et mare et omnia quae in eis sunt. The Formula of Creation and its Functions in the Acts of the Christian Martyrs // *Vetera Christianorum*. 2017. Vol. 54. P. 99–110.
- Lieu J. M.* Christian Identity in the Jewish and Graeco-Roman World. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Mattingly H.* The Imperial Vota // *Proceedings of the British Academy*. 1950. Vol. 36. P. 155–195.
- Mullen R. L.* The Expansion of Christianity. A Gazetteer of Its First Three Centuries. Leiden: Brill, 2004.
- Perendy L.* “Deum qui fecit caelum et terram”: Identifying the God of Christians in the Acts of Martyrs // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity: Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / ed. J. Leemans. Leuven: Peeters, 2010. P. 221–239.
- Religion, Terror, and Violence: Religious Studies Perspectives / ed. by P. Tite, B. Rennie. New York: Routledge, 2008.
- Ritterling E.* Legio // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart: J. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1925. Bd. 12/2. Sp. 1329–1829.
- Shean J. F.* Soldiering for God: Christianity and the Roman Army. Leiden: Brill, 2010.
- Stoll O.* “Entlassungsweihungen” aus Bostra und die honesta missio. Epigraphische Reflexe eines römischen Heereszeremoniells // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 2002. Bd. 49. S. 235–280.
- Tite P. L.* A Polite Conversation, an Edict, and a Sword: A Look at the Martyrdom of Julius the Veteran // *Journal of Theological Studies*. 2019. Vol. 70. P. 184–238.
- Tite P. L.* Compositional Transitions in 1 Peter: An Analysis of the Letter-Opening. San Francisco (CA): International Scholars Publications, 1997.
- Tite P. L.* Conceiving Peace and Violence: A New Testament Legacy. Lanham (Md.): University Press of America, 2004.
- Tite P. L.* Voluntary Martyrdom and Gnosticism // *Journal of Early Christian Studies*. 2015. Vol. 23. P. 27–54.